

Елена Федосеева

УНЕЖЕМСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

2006 г.

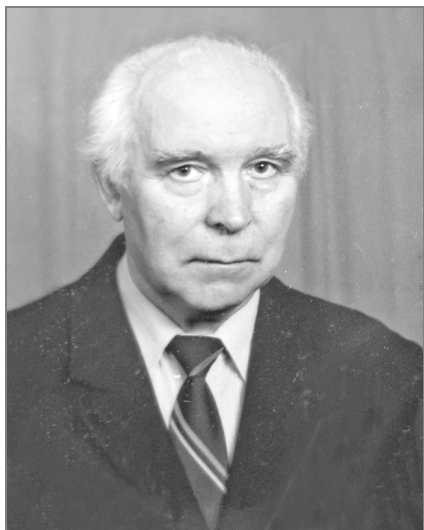
Э тот рассказ – о человеке, которого я никогда не встречала лично. Ежегодно бывая в Унежме в конце 1980-х – начале 1990-х годов, от местных жителей я узнала, что один из унежомов, Иван Матвеевич Ульянов, живущий теперь в Петрозаводске, написал книгу о своей родной деревне – книгу, которую мне конечно же хотелось прочитать. Разузнав адрес автора, я отправила ему письмо с просьбой выслать, если возможно, книгу об Унежме, и с нетерпением ждала ответа.

Ответ пришел быстро. Помню как дрожащими руками, волнуясь, я распечатывала конверт.

Здравствуйте, Елена!

Получил ваше письмо. Оно меня всколыхнуло, возвратив в незабываемое. Вот уже много дней под его впечатлением, как и что ответить на это непростое послание. В первую очередь хочется поблагодарить за написанное, за доброе отношение к нашему северному краю и Унежме, за любовь к нашей перспективной, задичавшей деревне.

Тема родного края меня волнует давно, но по настоящему стал заниматься ею после выхода на пенсию. Она меня, по

И.М. Ульянов в начале 1990-х гг.

выражению С. Есенина, «томила, мучила и жгла». Другой писатель Севера дал наказ: «Если ты северному мореходству рожденный сын, а не наемный работник, засвидетельствуй свое сыновство сказанием и писаньем». И я стал писать. Писал неумело, без подготовки, о чем сказано в предисловии к моей книге. Так что я никакой не писатель. Писал для себя, про себя и для детей, чтобы оставить память о пережитом. Книга не издавалась, она отпечатана в пяти экземплярах: два у детей, у Ольги Григорьевны, у меня и у Базанова Павла Михайловича, принимавшего участие в ее создании – давшего консультацию по дооктябрьскому и доколхозному периоду. Единственное, что осталось неиспользованным – рукопись. Так что у вас есть надежда! Если сумеете отпечатать, могу дать.

Уважаемая Елена! Я вполне понимаю Вас в том смысле, что вы заболели Унежмой. Это меня не удивляет. Я видел много туристов, посещающих Унежму, разговаривал с ними. Меня интересовало: зачем они едут в дикий край, что их привлекает в Поморье? И ответ был один: «Мы отдыхаем». «Но разве хуже отдыхать в санатории или доме отдыха?» «Нам надоел шум, мы отдыхаем тишиной». И не только тишиной, еще и природой. В своей книге я пишу: «Пройди по всему Поморскому берегу, лучшие Унежмы не найдешь». Не зря раньше говорили: «Унежемский наволок – Москвы уголок». И этот уголок запал в ваше сердце, понравился, приглянулся, и часть сердца осталась в нем. Пусть он будет не малой Родиной, а хотя бы маленькой, после великого творения Петра. Я жил в Мурманске более 30 лет, сейчас в Петрозаводске вот уже пятнадцать. Но Петрозаводск для меня чужой город, а вот о Мурманске можно сказать – это моя маленькая Родина.

Большое спасибо за письмо, добрые слова, откровения, любовь к Северу.

С уважением, Ульянов
8 декабря 1992 года.

Сейчас, в 2009-м, размышляя над будущей, теперь уже моей собственной, книгой об Унежме, я невольно мысленно возвращаюсь назад, в ту холодную зиму 1992-93-го, с которой началась наша переписка. Именно тогда мое поколение, выросшее в относительно спокойные брежневские 70-е и не знавшее голода и невзгод, столк-

нулось с суровой и пугающей реальностью, получившей название «перестройка» и повлекшей за собой необратимые изменения в политике и экономике страны. Именно на нас, только что закончивших институт и начавших работать, закончилась эпоха социализма.

Та зима была, наверное, самой тяжелой и голодной на моей памяти. Продукты в Ленинграде по талонам – вещь для нас новая, незнакомая. Мы, жители двух столиц, москвичи и ленинградцы, всегда находились на привилегированном положении, не зная что другие города, а тем более села, жили по талонам даже в благополучные «застойные» годы. Завтрашний день несет в себе неизвестность, денежные реформы приводят в отчаяние. Народ, как сумасшедший, носится по пустым магазинам, в панике пытаясь отоварить талоны на сахар, мыло, вино. Водкой заставлены дома все антресоли – никто в семье ее не пьет, но нельзя же талонам пропадать, а вот с мясом беда. Чтобы купить положенный килограмм мяса в месяц, нужно простоять в очереди всю ночь и быть одним из первых, иначе останутся только пустые прилавки. Ходить на рынок нет денег, стоять ночами на морозе нет сил, поэтому мяса я не видела уже пол года. В обеденный перерыв на электрической плитке варим гороховый суп в брикетах, закупленных со случайной оказией. Плавленный сырок с булкой без масла, макароны без сыра, каша на воде – вот и весь рацион. Мамалыга, привезенная сотрудницей из Молдавии, кажется изысканным деликатесом в однообразном меню. Все разговоры вокруг – о том, как достать продуктов, как достать денег (зарплату не платят уже несколько месяцев), о том, как вообще выжить. Других тем для бесед не существует.

В это-то суровое время, сдав в комиссионку дорогой телеобъектив, в другом комиссионном покупаю самую дешевую и, соответственно, самую старую пишущую машинку, которую только удастся найти – о персональных компьютерах, сканерах и ксероксах в те времена еще не слыхивали. На оставшиеся гроши приобретаю несколько пачек бумаги и копирку, и каждый день, приходя домой, нетерпеливо заглядываю в почтовый ящик – не пришло ли долгожданное извещение? Но его всё нет.

В квартире холодно, котельная работает с перебоями, сквозь заиндеветшие окна в комнату тоскливо глядит серое ленинградское небо. К психологическому чувству голоду – всё время хочется мяса – мы уже привыкли, но вот к этому тяжелому небу, которое, кажет-

ся, давит на землю и не дает свободно дышать, привыкнуть невозможно. На улице ветер хлещет в лицо, липкий снег забивает глаза, грязная каша под ногами доводит до слез. Солнце не показывается вот уже несколько недель. Так хочется вырваться на простор, вдохнуть чистого морозного воздуха, пройтись по белому скрипящему снегу! В один из таких темных безрадостных дней мы с подругами Светой и Машей принимаем неожиданное решение: мы едем в Унежму! Продав что-то из украшений, покупаем три билета на поезд и достаем с антресолей рюкзаки и старенькие лыжи. Наутро поезд уже мчит нас по заснеженным просторам...

Не буду здесь подробно останавливаться на той поездке, она – тема для отдельного рассказа. Вернувшись в хмурый февральский Ленинград отдохнувшими, посвежевшими и даже, кажется, загорелыми, в почтовом ящике я обнаруживаю, наконец, долгожданное извещение, ждущее меня уже несколько дней. В вожделенной посылке – толстая пачка пожелтевших машинописных листов с длинными вставками от руки – книга Ивана Матвеевича под названием «Северная вольница».

Лена, здравствуйте!

Высылаю вам всю папку «Северной вольницы»¹, в основном печатный материал со вставками рукописными. Это как бы второе издание, дополненное, вам будет легче печатать. Посылаю также фотокарточку – вид на Унежму с моря, подаренную мне москвичами. В заключение поздравляю вас с наступающим праздником 8 марта. Здоровья, радости, счастья!

*Получение сообщите!
С уважением, Ульянов.*

Из Ленинграда в Петрозаводск полетело новое письмо с восторженным рассказом о зимней поездке в Унежму, с новостями о ее жителях, их радостях и печалях. О том что мяса наелись, наконец, до отвала – местные охотники продают его без талонов и даже подарили нам целую лосиную ногу. О том, как бездонно звездное небо над морем, как ярко искрится под уже почти весенним фев-

¹ Позднее автор стал называть ее «Страной Поморией».

ральским солнышком чистейший белый снег. О том, что море замерзло только у берегов, что навага ловится плохо и рыбы поесть почти не удалось. О том, что у Ольги Григорьевны – «эдака беда»² – овца под Новый год принесла ягнят...

Дорогие девчата!

Получил ваше письмо, которое долго ждал. Меня удивило ваше пребывание в Унежме, да еще и зимой. Не ожидал! Ведь дорога туда совсем нет, никто не ездит и не ходит. Возможно добраться только на лыжах или пешком со станции. Да, большой заряд у вас приверженности к Северу и в частности к Поморью. Какие вы молодцы! Побывали у Валентина, у Ольги Григорьевны, посмотрели зимнюю Унежму. Я вам завидую. Будь мне поменьше лет, я тоже пустился бы в поход. Только одно плохо: не поели наваги. В то время она ушла от берега. Надо ее ловить сразу же как замерзнет река и море, то есть в октябре-ноябре.

Читая ваше письмо, я удивлялся что у Ольги сплошные несчастья – появились ягнята. Милые девочки! Появление скота: телят, жеребят, ягнят, поросят – это праздник в семье. У нас этому всегда радовались. Я всегда просился у мамы посмотреть маленьких ягнят, ходил в хлев с кусочком хлеба, чтобы покормить овцу, которая подарила малыша. Он маленький, на высоких ножках, чистенький, с курчавой шерсткой, крохотным хвостиком и черненькими глазками, ходил около мамы-овцы. Иногда зимой, в сильные морозы, когда было холодно в хлеву, малышей – жеребят, телят, ягнят – приносили в дом чтобы они не заболели. Помню, часами не отходил от этих милых красивых созданий...

Следующие два месяца прошли в напряженной работе. Каждый вечер наступал счастливый момент: в пишущую машинку закладывались переложённые копиркой листы и начинали быстро старые, иногда западающие клавиши. Передо мной проплывали волнующие и эмоциональные образы, яркие картины жизни в далекой, но в то же время такой близкой и родной деревне. Раскрывалась другая, незнакомая мне, сторона ее быта и истории, уходящая

² «Эдака беда!» – любимая присказка Ольги Григорьевны, непременно добавляемая к любому рассказу.

далеко в прошлое, загадочное и манящее. Истории, рассказанной простым, но живым и образным языком, языком человека, видевшего ее своими глазами, пронесшего через свою жизнь, знающего не понаслышке, а на собственном опыте.

Много времени проводила я тогда и в библиотеках, перебирая карточки в старых, пахнущих пылью каталогах, пытаюсь найти крупинки информации об Унежме, о Никольской церкви. Поиски эти увенчались успехом. Отсылая Ивану Матвеевичу рукопись и новый экземпляр книги – один из пяти отпечатанных, я приложила к ним фотографию церкви и обмер колокольни, выполненные В.В. Сусловым в 1886 году³.

Здравствуйте, Лена!

Не волнуйтесь, посылку от вас я получил. Всё в полном ажуре и даже больше. В посылке оказалась бесценная вещь – старые фотографии церкви и колокольни. Для меня это была сенсация, взгляд в прошлое своей малой Родины. Не могу насмотреться на маленькую колоколенку – до чего она красива, компактна и величава. Хочу поместить ее в рамку и повесить на стене. Фотография тоже хороша, но выдает ветхость построек.

Передо мной две фотографии – ваша 1886 года и моя 1978 года – и моя память. Колокольни нет, она снесена в годы коллективизации и культурной революции в 1931 году, а вот церковь значительно отличается. «Ваша» церковь – постройки 1813 года, она маленькая и дряхленькая, почерневшая, на подпорках. «Моя» была перестроена селянами в начале двадцатого века, превратившись в трехпрестольную пятиглавую. Форма церкви несколько изменилась, получив современный вид, с тремя высокими окнами по сторонам, большим и светлым залом. Колокольня и церковь были обшиты строгаными досками и окрашены белой краской, крест на колокольне резной кованый. И домов, так близко расположенных, не было.

³ Речь идет о фотографии церкви В.В. Суслова 1886 года и его же чертеже унежемской колокольни, опубликованном в альбоме «Памятники древнерусского зодчества» (издание Императорской Академии художеств, вып. I, СПб., 1895 г.)

В детстве всё это я видел своими глазами. Когда я шел домой из Нименьги или Онеги, где учился, выйдя из Сосновки видел сверкающие купола церкви и крест колокольни. Церковь и колокольня белели и манили путника в это зачарованное царство среди моря и варак.

Может быть что-нибудь найдете в библиотеке и о Мурмане. Там до 1930-го года рыбачили унежомы, мой отец, дядя, в становище Шельпино. Если попадетя что-нибудь, сделайте выписку и вышлите. Наши унежомы рыбачили и в других становищах, по всему побережью Баренцева моря.

Хорошее дело вы задумали: составить план Унежмы. Между прочим, у меня есть чертеж Унежмы, сделанный П.М. Базановым на память. Делал он его в 1990 году, а в Унежме не живет с 1930-го года.

Поеду ли я летом в Унежму, пока не знаю. Но хочется. Если кто-нибудь из родных проводит, то поеду. Ведь надо везти муку, крупу, сахар, а этого носить не могу. Если поеду, кое-что прихвачу для вас. Спасибо, дорогие, за дополнительный экземпляр книги.

С уважением, Ульянов. 16.05.93

Поехать в Унежму Иван Матвеевич тем летом не смог – не позволило здоровье. Переписка, продолжавшаяся еще какое-то время, постепенно заглохла.

Год проходил за годом, жизненные обстоятельства изменились и мы стали ездить в деревню гораздо реже, со значительными перерывами. В 2004-м году, вспоминая об Унежме, я нашла и перечитала старые письма И.М. Ульянова, заново переживая волнующие моменты того незабываемого времени. В одном из писем вдруг наткнулась на следующие строчки:

Завели вы разговор о книге. То да сё, всё хорошо. А я жалею, что написал ее второпях и не очень грамотно. Эти годы не прошли даром, сейчас я готовлю «О времени и о себе» – книгу автобиографическую, мемуарную. Вот в ней будет всё мое, а в «Северной вольнице» и мое и чужое, то что я нашел в литературе.

Забывшие строчки эти заставили задуматься. Значит у Ивана Матвеевича были планы писать вторую книгу, автобиографическую. Новая книга об Унежме, о жизни коренного помора – какой интересной она могла быть! Была ли она написана, да и жив ли еще сам автор? Ведь прошло одиннадцать лет... В руках – старый помятый конверт с почтовым штампом 1993 года и маркой за 5 копеек. Город Петрозаводск, улица Кондопожская... Да, у меня ведь остался адрес! Кто живет там сейчас, кто откроет мне дверь, да и откроет ли кто-нибудь?

И вот я в Петрозаводске на Кондопожской улице, которая, собственно, и не улица, а просто проезд между кирпичными пятиэтажными домами, утопающими в зелени дворов. На двери в парадную – кодовый замок, на крыльце курят двое мужчин.

– Здравствуйте, не могли бы вы открыть мне дверь, я иду к знакомым, но забыла код! – прошу я, ожидая услышать грубый отказ. Но Петрозаводск не Питер, люди здесь проще и доверчивее, дверь в парадную гостеприимно распахивается. Звоню в квартиру, за дверью слышу шаги, приятный женский голос вежливо интересуется: «Кто там?» Стою в замешательстве. Сказать, что я к Ивану Матвеевичу, почему-то не поворачивается язык.

– Я по поводу Унежмы.

Дверь мгновенно распахивается, на пороге – женщина лет пятидесяти. Волнуясь, сбивчиво и нескладно, объясняю кто я такая и что мне надо. Хозяйка удивлена, но приглашает зайти, угощает чаем. Она – дочь Ульянова, Галина Ивановна. Иван Матвеевич умер в 1997 году. О том, что отец писал, она знает, но о книге «О времени и о себе» никогда не слышала – жили в разных городах, сама переехала сюда из Мурманска всего месяц назад. До этого квартиру сдавали, так что если бы я пришла чуть раньше, застала бы чужих людей. Вещи разобрать еще не успели, но в шкафах много старых альбомов и бумаг, может найдется и рукопись.

Галина Ивановна достает многочисленные альбомы, рисунки, рукописные листы, какие-то чертежи, школьные тетрадки, исписанные знакомым почерком Ивана Матвеевича, фотографии, картонную папку с надписью «Дело № ___», раскладывает всё на столе. От радостного удивления у меня захватывает дыхание: да это же бесценные сокровища, и сколько же здесь всего, и – Боже мой! – всё это о Поморье, об Унежме!

Одну за другой перебираю бумаги. Вот первая книга «Северная вольница», я узнаю её – те же машинописные листки с рукописными вставками, их я уже держала в руках 11 лет назад. Вот несколько фотографий самого Ивана Матвеевича – спокойное лицо уверенного в себе человека, сохранившего оптимизм и живой интерес к жизни.

Вот несколько тетрадок с выписками из литературы, сделанными тщательно и аккуратно. Некоторые книги мне встречались, некоторые названия вижу впервые.

А вот старая фотография церкви и обмер колокольни – те самые, перенятые мною в Публичной библиотеке в Ленинграде. Вот нарисованный на листочке в клетку план небольшой постройки с подписью «часовня в Унежме», вот совсем обветшавший листок с обтрепавшимися краями – план селения с именами хозяев под каждым домом. Это

Унежма, и должно быть тот самый план деревни, сделанный П.М. Базановым по памяти, о котором писал мне Иван Матвеевич. План нарисован от руки, подписи совсем мелкие, почти неразборчивые, ох, тут придется поработать!

Вот альбомы с рисунками, связанные ленточкой или переплетенные. Один, похоже, не закончен – листы сложены в папку рассыпью, некоторые картинки лишь набросаны карандашом, некоторые раскрашены фломастером только частично. Разглядываю рисунки. Да это же иллюстрации к «Северной вольнице», рассказы-вающие о жизни на севере, о поморских промыслах, о местных традициях и культуре. Для меня это настоящее открытие – оказывается Иван Матвеевич не только писал, но и рисовал!

Рисунки сделаны неопытной рукой, рукой человека, может быть впервые взявшегося за карандаш, но делавшего их с огромной любовью, которая светится в каждом штрихе и придает то трепетное очарование, которое не всегда найдешь в работах профессиональных художников. Сквозь раскраску фломастером просвечивает тонкая карандашная линия, цветная заливка наложена аккуратно, надписи сделаны ровно, каждый рисунок старательно продуман и так же старательно выполнен.

А вот совсем трогательная вещь – внушительной толщины маленький потрепанный альбомчик в твердой картонной корочке, перевязанный шнурком. В нем краткий рассказ про Унежму, фрагменты из ее истории, рисунки, фотографии. Кажется, что альбомчик

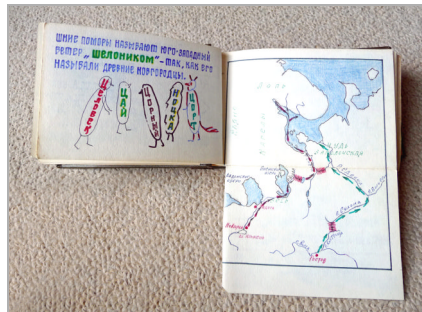
этот хранит тепло руки и души человека, когда-то его сделавшего, а затем, очевидно, часто листавшего, и поэтому его так приятно сейчас держать в руках.

Среди просмотренных материалов новой рукописи пока нет, не проверенной осталась всего одна папка. Беру ее в руки, но открыть боюсь – найду ли в ней то что искала? Сердце учащенно бьется...

В папке – толстая стопка не подшитых листков, исписанных четким знакомым почерком. На первой странице надпись: «И.М. Ульянов. О времени и о себе. Жизнь помора из Унежмы. Автобиографическая повесть». Да, книга была написана, была закончена, и книга эта сейчас передо мной. Сердце наполняется радостью: вот он, момент счастья! Вот он, рассказ об Унежме, попавший ко мне одиннадцать лет спустя!

На робкую просьбу одолжить на время дорогие мне документы Галина Ивановна отвечает: «Конечно берите, пользуйтесь сколько нужно. Я рада, что кому-то пригодились материалы отца. Жаль, что вы с ним не встретились – он бы вам многое рассказал. Унежму он очень любил, часами мог о ней говорить».

Передо мной уже не пишущая машинка, а современный компьютер, и пожелтевшие рукописные страницы кажутся рядом с ним нелепым раритетом. Строчка за строчкой раскрывается передо мной человеческая судьба, ее радости и надежды, отчаяние и горе-

сти, любовь и страдание. Судьба человека, прокладывающего свой нелегкий путь сквозь трудности и невзгоды сурового 20-го века. Судьба, в которой, как в зеркале, отразилась целая эпоха, почти столетие, включившее в себя революцию, три войны, невиданные ранее преобразования страны, сталинский террор, хрущевскую оттепель, недолгие спокойные брежневские годы и наконец перестройку.

Дело, начатое Иваном Матвеевичем Ульяновым, оказалось заразительным. Сейчас, по прошествии нескольких лет, когда я сама пишу книгу об Унежме, я вдруг отчетливо поняла, почему тогда, в 1992-м, он так быстро откликнулся на мое первое письмо. Встреча с человеком, питающим такую же привязанность к дорогому для тебя уголку на земле – большая редкость и большая радость.

Несмотря на то, что мы никогда ни виделись с Иваном Матвеевичем, был всё-таки один день, когда мы были в Унежме вместе – я узнала об этом из его автобиографии. Было это в августе 1992 года, незадолго до начала нашей переписки. Иван Матвеевич уезжал в Нюхчу на лодке, а мы с подругой только что пришли в деревню пешком.

Был назначен день отъезда. На берегу у лодки я увидел Эллу Пестову, пришедшую накануне со станции, от нее узнал: к Валентину пришли ленинградские туристки и он с нами не поедет. Она же сообщила, что есть фотокарточка унежемской церкви XIX века⁴. Как бы хотелось ее посмотреть!

И я рада что он увидел ее.

Почему-то мне часто представляется сейчас, как сидит Иван Матвеевич за столом в небольшой, но уютной и чистой петрозаводской квартирке. За окном поздний вечер, шторы задернуты, в полумрачной комнате тепло и тихо, в кухне тихонько позвякивает посу-

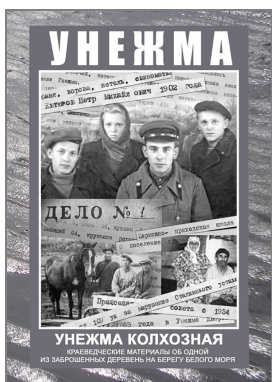
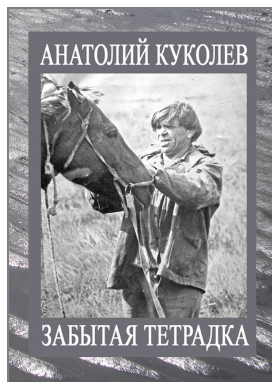
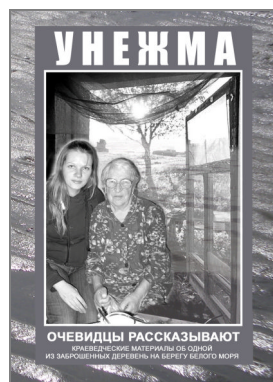
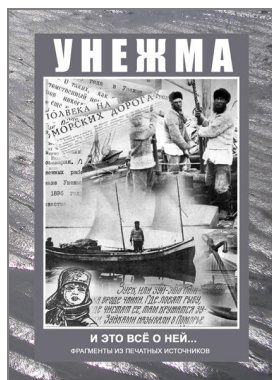
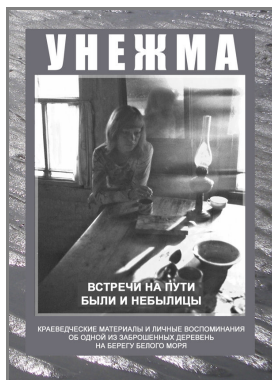
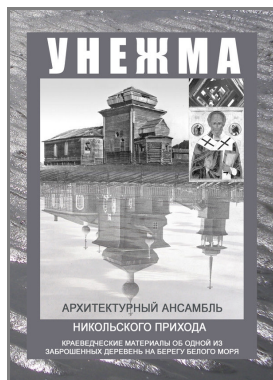
⁴ Это была упоминавшаяся выше фотография В.В. Сулова 1886 года.

дой жена Раиса Петровна, верная спутница жизни, с которой прожили вместе больше 50 лет. На письменном столе, в светлом кругу от настольной лампы, лежат ручка и бумага, а перед глазами проплывают картины прошлого, то светлого и радостного, то тягостного и горького. И кажется мне, что был он в эти минуты счастлив. Счастлив тем особым, упоительным счастьем, которое, словно чисто звучащая струна, приходит только с творчеством, вдохновленным любовью.

Архив И.М. Ульянова

ДРУГИЕ КНИГИ ИЗ СЕРИИ «УНЕЖМА»

Мемуарно-краеведческое издание

Книга из серии «Унежма»

Том 2

Ульянов Иван Матвеевич

**О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ (ЖИЗНЬ ПОМОРА ИЗ УНЕЖМЫ)
МУРМАНСК-УНЕЖМА-ПЕТРОЗАВОДСК**

Составление, оформление и компьютерная верстка:
Е.Е. Федосеева

Рисунки и фотографии из альбомов-книг
и семейного архива И.М. Ульянова.